

СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНФИНИТИВА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

М. С. Фильцова

Статья относится к кругу работ, связанных с изучением русского инфинитива и его лексикографического представления в интересах преподавания русского языка как неродного.

Ключевые слова: сочетаемость, закономерности синтаксических связей, словари активного типа

Стаття належить до кола робіт, пов'язаних з вивченням російського інфінітива та його лексикографічного подання при викладанні російської мови як нерідної.

Ключові слова: поєднання, закономірності синтаксичних зв'язків, словники активного типу

The article deals with the study of Russian Infinitive and lexicographical presentation of it in the interests of teaching Russian as a foreign language.

Key words: combination, appropriateness of syntactical connection, the dictionaries of the active type

Актуальность. Несмотря на то что категория инфинитива и его сочетаемостные возможности неоднократно привлекали внимание исследователей, они по-прежнему нуждаются в лингвистической и методической интерпретации. Синтаксическая структура словосочетания, как известно, в значительной степени является отражением различных свойств лексических единиц, из которых она складывается. Как отмечает Г.А. Золотова, «...большинство словосочетаний строится не на основе управления, глагольного “требования”, а на основе синсемичности, взаимной готовности обеих сторон к соединению... Круг собственно управляемых, связанных синтаксисом, отражающих индивидуальную, лексическую сочетаемость, невелик. Следовательно, можно сделать вывод о сочетаемости не как лексической, а как семантико-грамматической проблеме, устремлённой к выявлению обобщающих закономерностей синтаксических связей» [7, с.12].

Заключение, сделанное исследователем, представляется весьма важным при описании русского языка в интересах преподавания его в качестве иностранного. Известно, что в процессе речевой деятельности существует постоянное соотношение смысла (содержания) высказывания и его языковой формы. Данное соотношение не произвольно, а подчинено строгим законам, которые в лингвистическом сознании носителя языка присутствуют в имплицитованном, неосознанном виде. **Цель.** При преподавании РКИ возникает необходимость эксплицитировать эти правила, сделать их осознанными. В связи с этим вопрос синтаксической сочетаемости не может быть решён только путём составления исчерпывающего списка моделей обязательной сочетаемости [4, с.93]. Он требует также выяснения **причин**, языковых механизмов, обуславливающих возникновение обязательной сочетаемости.

Специфичность сочетаемостных возможностей инфинитива диктуется отыменным происхождением инфинитива, наличием в его семантике категориальных признаков глагола и имени, наличием несвойственных финитным глаголам сочетаемостных свойств. В ряде исследований инфинитив выделялся в отдельную часть речи (фортунатовская школа), но иногда сближался с именами существительными. Так, А.М. Пешковский квалифицировал инфинитив как «существительное, не дошедшее на один шаг до глагола», как «имя с глагольной основой» [8, с.131]. Павский отличал «глагол в полном виде» от «глагола в виде имени существительного – неопределённого наклонения» [2, с.337]. Традиция рассматривать инфинитив как субститут имени существительного и приписывать ему синтаксические функции имени замечена Г.А. Золотовой [6; 7]. По другому пути шёл А.А. Потебня, отрицавший номинальность у формы инфинитива: «Падеж, заключённый в неопределённом наклонении, ...потерял своё падежное значение задолго до начала славянской письменности» [9, с.338]. Потебня считал, что неопределённое наклонение не может быть названо существительным, потому что, подобно глаголу, оно определяется не прилагательным, а наречием. «Инфинитив только был некогда именем, но не остался им, ...он есть имя в этимологическом и род глагола в синтаксическом отношении» [9, с.338]. Инфинитив, по Потебне, не заключает в себе субъекта, но **требует его**, как прилагательное и глагол.

Высказывается мысль о полифункциональности, синкретичности значений инфинитива [1;3]. И.Р. Выхованец характеризует инфинитив как специфическую межчастеречную форму, лишённую чётких морфологических характеристик и используемую двумя основными частями речи – глаголом и существительным и сохраняющую некоторые свойства существительного, что, в отличие от спрягаемых форм, позволяет инфинитиву выполнять синтаксические функции, характерные для существительного [3, с.81]. Сложность синтаксической квалификации инфинитива, как справедливо подчёркивает Д.В. Жаркова, и объясняется его сложной синкретической природой [5, с. 88].

Разнообразие трактовок инфинитива вызвано, по-видимому, отсутствием до настоящего времени комплексного описания его синтаксических позиций. Ситуацию несколько проясняет одна из наиболее подробных и законченных работ в этой области – исследование В.М. Брицына [1], в котором

последовательно анализируются семантико-синтаксические свойства инфинитива в различных типах простого и сложного предложения. Особое внимание уделяется взаимоотношениям инфинитива с личными глаголами, прилагательными и существительными. При этом отмечается, что приглагольная позиция является одной из наиболее характерных для инфинитива и, более того, количество глаголов, сочетающихся с инфинитивом, постепенно увеличивается. Подчёркивается, что семантика опорного глагола становится важным инструментом объяснения функциональной роли инфинитива в предложении, и на основе этого приводится детализированная классификация свойств инфинитива при его примыкании к различным лексико-семантическим группам глаголов. В. М. Брицын выделяет, в частности: 1) сочетания инфинитива с фазовыми глаголами начинательности (*начать, стать...*); 2) инфинитив с фазовыми глаголами, выражающими продолжение действия (*продолжать...*), прекращение действия (*закончить, прекратить...*); 3) инфинитив с так называемыми дефинитивными глаголами (*изволить, посметь...*); 4) инфинитив с так называемыми функторно-характеризующими глаголами (*мочь, уметь*); 5) инфинитив с так называемыми пробационными глаголами, имеющими обобщённое значение производства действия с приложением усилий (*пробовать, стараться...*); 6) инфинитив с глаголами психической деятельности, передающими процесс выработки в сознании желаемых моделей действительности и установок на их осуществление (*хотеть, желать...*), и глаголами психического отношения, описывающими отношение человека к тем или иным моделям действительности (*бояться, любить ...*); 7) инфинитив с глаголами приобретения – утраты навыков и привычек (*учиться, привыкать...*); 8) инфинитив при глаголах с семой «говорение» (*обещать, договориться ...*); 9) инфинитив при каузативных глаголах, содержащих в своей семантической структуре сему побуждения (*заставлять, убеждать...*); 10) инфинитив с глаголами целевого предназначения, в том числе при глаголах движения (*взять, привести...*); 11) инфинитив в безличных конструкциях (*разрешается, приходится, везёт, удаётся...*).

Инфинитив обнаруживает также способность вступать в различные сочетаемостные отношения с прилагательными и причастиями. С учётом этого выделяются ситуации употребления инфинитива: 1) при модальных адъективах долженствования, способности, намерения (*должен, вынужден, обязан...*); 2) в значении директивной синтаксемы в сочетаниях с прилагательными типа *волен, молод, мал, зелен, здоров...* (*молод указывать, спать здоров...*).

Кроме того, инфинитив выступает необходимым структурным и семантическим компонентом обширного круга предложений, которым не свойствен субъект в форме именительного падежа существительных и местоимений, а предикат в них представляет собой неизменяемую форму со значением характеристики (*Ему было стыдно показаться нам на глаза*). В составе таких предложений можно выделить следующие сочетаемостные возможности инфинитива: 1) со словами категории состояния, способными самостоятельно, без вспомогательных средств, обозначать состояние актуального или виртуального субъекта (*весело, стыдно, скучно...*); 2) с предикативами индивидуальной оценки: эстетической (*красиво, модно, безвкусно...*); этической (*зрешно...*); нормативной оценки целесообразности действия (*напрасно, бесполезно...*), нормативной оценки логичности, уместности действия (*глупо, нелепо, уместно...*) [1, с. 116].

Рассматривая случаи сочетаемости инфинитива с существительным, В. М. Брицын подчёркивает их избирательный характер (при свободе лексического заполнения позиции инфинитива наблюдаются строгие ограничения на выбор существительного) и отрицает возможность составления сколько-нибудь точного словника имён, сочетающихся с инфинитивом, поскольку имеется довольно большое количество случаев, «когда необходимо разграничивать явления нормы и узуса, узуса и индивидуального словоупотребления» [1, с. 137] (отметим, что для изучающего русский язык как неродной такая ситуация заведомо исключается, в силу её неоднозначности). Чаще всего наблюдаются случаи употребления инфинитива: 1) с сущ. типа *любитель, охотник, сторонник* со значением «склонный к чему-л.»;

2) с некоторыми группами отглагольных сущ. (*попытка, старание, жажда, желание, замысел, намерение, план, боязнь, волнение, привычка, клятва, обещание* и т.п.); 3) при сущ., соотносимых с прилагательными (*безнадёжность, мудрость, наглость...*) и, наконец, 4) при сущ., не соотносимых с другими частями речи (среди них сущ. с семами «*способ, возможность, право, система взглядов, традиция, время, предназначение, устремление*»). Накопленный нами материал подтверждает справедливость предложенной классификации.

При многочисленности и разнообразии исследований, касающихся сочетаний с зависимым инфинитивом, даже самое полное из них не даёт ответа на вопрос: **почему** обязательного примыкания инфинитива требуют именно *эти, определённые* глаголы, *эти, определённые* отглагольные существительные, наречия, краткие прилагательные и т.д.? Когда появляется такая связь? Какая причина – лингвистическая? экстралингвистическая? – заставляет использовать в определённых случаях именно инфинитив? Между тем ответ на этот вопрос мог бы дать, во-первых, возможность строже формулировать некоторые правила употребления инфинитива, например после так называемых дефинитивных глаголов (здесь, на наш взгляд, синтаксическая характеристика, даваемая в качестве определения этих глаголов

[1, с. 44], затемняет их семантику и не позволяет чётко противопоставить их глаголам, которые с инфинитивом не сочетаются), и, во-вторых, облегчить задачу лексикографического представления инфинитива в словаре, содержащем информацию не столько для понимания, сколько для порождения текстов. Как известно, такие словари в современной лингвографии относятся к словарям активного типа и включают в себя семантическую, грамматическую в широком смысле слова и прагматическую информацию

о языковом явлении. Это представляется особенно необходимым для изучающих русский язык как неродной. Характеристика же сочетаемостных свойств инфинитива, даваемая в исследовании В. М. Брицына, не может вполне удовлетворить нас, т. к. сделана с позиций описательной лингвистики, носителем языка для носителя языка, и потому не имеет объясняющей силы. Необходимо найти принципы другой классификации, соответствующей функциональному описанию языка, в целях преподавания его как иностранного.

Выводы. В заключение следует подчеркнуть, что инфинитив – сложное явление, и вряд ли причины, обуславливающие его сочетаемостные свойства, можно объяснить только с позиций традиционной лингвистики. Толчок к размышлениям даёт гениальное прозрение А. А. Потебни: «Неопределённое наклонение глагола... есть **воля** души, выражаемая голосом, являемая речью» [9, с.335]. По-видимому, ответ на вопрос «почему именно инфинитив?» следует искать в детерминантах поведения индивида в онтогенезе, за пределами наличного состояния индивида и его конкретных желаний [10], что представляет собой предмет нашего дальнейшего осмысления, исследования и интерпретации в целях преподавания РКИ.

Литература:

1. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке / АН УССР. Ин-т языковедения
2. им. А.А. Потебни. – Киев: Наукова думка, 1990. – 318 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.
4. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. – Київ:Наукова думка, 1988. – 256 с.
5. Дорофеева Т.М. Синтаксическая сочетаемость русского глагола. – М.: Русский язык, 1986. – 106 с.
6. Жаркова Д.В. Отражение глагольно-именной природы инфинитива в его синтаксических функциях // Русский язык в школе. – 1982. – № 4. – С. 88-90.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М: Наука, 1982. – 368с.
8. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. – М.: Просвещение, 1953. – 1977. – Т.1-2. – 536 с.
11. Симонов П.В. Мотивированный мозг. – М.: Наука, 1987. – 375 с.